

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

● В. П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть I, Восток. Петербург—1923. Издательство «Academia», стр. 202.

Деятнадцатый век заслуженно получил название «исторического», ибо это было временем расцвета исторической науки, но с тем же правом ему можно присвоить и название «археологического», ибо он ознаменован поразительными открытиями, раскрывшими целый ряд новых культур, новых племен, государств и рас. Культуры древнего Египта, Сумера, Аккада, Вавилона, Ассирии, Хетов и Эгейского моря, доселе почти или совсем неизвестные, вышли из недр земли, взрытой заступами неутомимых исследователей-археологов. Теперь, когда уже собран значительный материал, когда большинство древних языков расшифровано, когда в крупных чертах восстановлена история этих отошедших в вечность культур, настало время подвести итоги той самоотверженной открывательской работе, которая легла в основу научного изучения древнего мира. Такой сводной работой, носящей несколько историографический характер, является труд проф. Бузескула, первая часть которого, прекрасно изданная петербургским издательством «Academia», лежит перед нами.

Несмотря на то, что она принадлежит перу видного специалиста по истории Греции, неискушенного в сложных и запутанных проблемах классического востоковедения, она в общих чертах может являться руководством или введением в изучение истории древнего востока, хотя отрывочность изложения не дает полной картины для неподготовленного читателя.

Сводка всей предыдущей работы и теоретическая, а также и практическая подготовка последующих работ — вот задачи разбираемой книги, главная ценность которой заключается в умелом комбинировании изложения двух моментов: истории археологических открытий и краткого очерка результатов этих находок в связи с общим изучением истории древнего востока. Обильно снабженная цитатами из работ крупных ориенталистов и выдержками из памятников, она ставит читателя лицом к лицу с изучаемыми эпохами и знакомит его с методами их исследований, что делает эту книгу и занимательной, и поучительной.

Посвященная обзору открытий, сделанных в области древнего востока, книга проф. Бузескула естественно распадается на три крупных отдела, носящие следующие подзаголовки: 1. Египет, 2. Ассирия-Вавилония, 3. Остальные страны Передней Азии. Странно лишь то, что самобытный и сплоченный мир Эгейских культур, так тесно связанных и по времени, и по духу с древним востоком, не нашел себе места в разбираемом очерке. Конечно, возможно, что автор предполагает отнести его рассмо-

трению ко второй части своего труда под названием «Древне-греческий мир», этим самым подчеркивая его более тесную связь с классической Грецией.

В первой главе, посвященной Египту, автор говорит об открытии Шампольона, о работе его последователей и учеников во Франции, в Италии и в Германии, об экспедиции Лепсиуса, о работах Бругша, Дюмихена, Эберса и де-Руже, об организационной, археологической и научной работе Мариэтта и Масперо, об основанной последним французской школе египтологии, об Адольфе Эрмане и берлинской школе его сотрудников и учеников, ~~главнейшая заслуга которых заключается в научной разработке древне-египетского языка, об английских и американских раскопках в Египте, о русских египтологах и, наконец, о самых последних открытиях, доходя до сенсационного открытия 29 ноября 1922 г. гробницы фараона 18-й династии Тутанхамона.~~

Как ни подробен местами этот очерк, он все же страдает некоторой неполнотой. Многие в нем опущено, а многое изложено неточно. Так, например, несколько преуменьшена колоссальная научная деятельность Бругша, которого можно считать одним из основателей ~~современной~~ египтологии и которому Бузескул посвящает одну страницу своего очерка. Бругш, обладая колоссальной эрудицией и большим историческим даром, вложил свою долю работы почти во все области египтологии, особенно много дав для изучения египетского языка и египетской религии. Ведь почти до самого последнего времени его египетский словарь являлся единственным пособием при чтении египетских текстов и теперь только отчасти вытеснен глоссаром Эрмана.

Затем проф. Бузескул совсем не останавливается на одной из крупнейших проблем египтологии, на вопросе о происхождении египтян, тесно связанном с последними раскопками в Абидосе, Контосе и Негаде, на вопросе, который до сего времени не разрешен и посему является спорным и интереснейшим пунктом, на котором сталкиваются мнения виднейших египтологов. Автором совсем опущены работы в этом направлении де Моргана, Капара и Амелино, из которых последняя (E. Amelineau, Prolegomènes a l'étude de la religion égyptienne. Paris 1908 — 1916. Vol. 1—2), представляет особенный интерес по свежести материала, по удачному подбору аргументов и по тому искреннему энтузиазму, с которым Амелино отстаивает свою теорию о праафриканском происхождении египтян и о выходе их из центральной Африки. Наконец, проф. Бузескул почти ничего не говорит о раскопках Нью-Йоркского Музея Искусств в Лигте и Фивах, которые велись им вплоть до 1922 года и дали интереснейшие результаты, среди которых мы, например, можем отметить находку папи-

руссов жреца Хеканахта, ярко обрисовывающих экономическую жизнь Египта в эпоху Среднего Царства. Мы здесь привели только несколько пропусков, список которых можно было бы сильно пополнить.

Перейдем теперь к неточностям и неправомерностям, которые мы считаем необходимым отметить и исправить. Автор повидимому не дает себе отчета о строении древне-египетского языка, когда утверждает, что для облегчения понимания и чтобы избежать недоразумения, прибавлялись отличительные знаки, указывавшие, есть ли данное изображение образное, идеографическое, или же слоговое, буквенное (стр. 13). Детерминативы или определители, как их принято называть, и о которых здесь, очевидно, говорит автор, ставились на самом деле безразлично при фонетическом или символическом комплексе, но всегда только после целого слова, указывая на его значение и являясь таким-образом, непроницаемой идеограммой. Следовательно, детерминативы служили не для отличия идеограмм от слогов, как то думает проф. Бузескул, а для более точного определения словесных групп. А следующее за эти категории категорическое утверждение автора, что «для употребления их (т. е. разных категорий) существовали особые правила» (стр. 13) надо, конечно, понимать со значительной долей скептицизма. Бесконечное количество вариантов написания одного и того же слова, то полностью всеми звуками, то слогами, то одной только идеограммой, а то какой-либо комбинацией этих способов, заставляет нас сильно сомневаться в существовании таких «определенных правил» древне-египетской орфографии. Далее, на стр. 28, автор уверенно помещает Пунт, страну богов и благовоной, «у южной оконечности Черного моря, на африканском берегу (Сомали)». Не споря против этого категорического утверждения, следует указать на то, что здесь возможны и другие географические комбинации, например, помещение Пунта в южной Аравии, как высказывают некоторые египтологи. Иногда можно исправить ссылки автора на местонахождение в настоящее время некоторых памятников. Стала Хену, вельможа эпохи Среднего Царства, жившего при фараоне одиннадцатой династии, Пниотефе Великом, которая находилась в московском Румянцевском Музее, со всей египетской коллекцией отдела древностей Румянцевского Музея была передана еще в 1921 году в Музей-Институт Классического Востока, где помещается также и богатое собрание клинописных таблечек, о котором говорит автор на стр. 151, без указания его местонахождения.

Отмечу теперь еще один промах автора. Говоря об египетской и ассирийско-вавилонской религии, он иногда характеризует все древне-восточное мистико-магическое мирозерцание насмешливым названием «господ-

ство суеверий и магии» (стр. 182) или «нелепые магические формулы» (стр. 41). В этом сказывается известное незнание эпохи, ибо нельзя мельком или с улыбкой проходить мимо той мощной стихии, которая владела душой древне-восточного человека, обуславливая весь склад его мышления и психики. Не понимая магии, нельзя понять ни египетской, ни вавилонской религии, искусства и науки, веры в силу слова и имени, в действительность магического ритуала и в загробную жизнь, нельзя понять и древне-восточной литературы, насквозь пропитанной магизмом, всего склада жизни того времени и всего строения души древне-восточного человека. Вообще проф. Бузескул с большим интересом останавливается на древне-восточной морали, чем на богатой и яркой мистике того времени, которая однако гораздо более характерна для сошедшего Востока.

В заключение отмечу еще одну маленькую деталь: в своем прекрасном и содержательном очерке панвавилонизма проф. Бузескул указывает на проф. Р. Ю. Виппера, как на сторонника этого теперь скомпрометированного научного направления. После того, как вышла любопытная брошюра Виппера «Кризис Исторической Науки» (Казань — 1922), было бы неосторожно делать такие утверждения, т. к. весьма возможно, что ее почтенный автор, отказавшийся в ней от большинства своих прежних исторических взглядов, вместе с тем изжил в настоящее время и свой ранний панвавилонизм, который следует считать результатом временного увлечения. В этом книгу проф. Бузескула упрекнуть нельзя, ибо, несмотря на неизбежные недостатки, пробелы и неточности, она все же остается хорошим, сжатым и содержательным очерком истории открытий XIX и начала XX века в области изучения древнего, вернее классического, Востока.

В. Авдиев

● *А. А. Васильев. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081 — 1185) и Ангелов (1185 — 1204). Петербург (Изд. Academia) 1923. 8° стр. 120.*

Автор — историк византист, хорошо известный востоковедам двухтомным исследованием «Византия и арабы». Настоящая работа примыкает не столько к этому труду, сколько к «Лекциям по истории Византии», опубликованным в 1917 году: изложение первого тома лекций было доведено до эпохи крестовых походов, и настоящая книга представляет полезную замену отсутствующего второго тома. Содержание обусловлено приблизительно тем же планом; главное внимание уделено внешней династично-политической истории. Особый отдел посвящен все же очерку внутреннего состояния, хотя автор и оговаривается (стр. 98 — 99) о невозможности в настоящей стадии разработки дать стройное представле-